

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 316.6

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-385-400>

Особенности ролевой самооценки российских и китайских студентов

Ю. А. Поссель^{✉1}, Ч. Чжао²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Независимый исследователь, Китай, провинция Шаньдун, г. Цзинин

Сведения об авторах

Юлия Альфредовна Поссель,
SPIN-код: 7889-8669,
Scopus AuthorID: 57204646822,
ResearcherID: K-6988-2018,
ORCID: 0000-0002-7633-3077,
e-mail: yuapossel@herzen.spb.ru

Чжэн Чжао,
e-mail: zzailzs@163.com

Для цитирования:

Поссель, Ю. А., Чжао, Ч.
(2021) Особенности ролевой
самооценки российских
и китайских студентов.

*Психология человека
в образовании*, т. 3, № 4, с. 385–400.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-385-400>

Получена 16 августа 2021; прошла
рецензирование 26 августа 2021;
принята 30 августа 2021.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. А. Поссель, Ч. Чжао
(2021). Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Актуальность данной работы связана с необходимостью проведения кросс-культурных исследований в области ролевых аспектов поведения студентов высших учебных заведений на фоне увеличения академической миграции. Приверженность различным культурным образцам может определять специфику понимания ситуаций педагогического взаимодействия и восприятия его участниками своей социальной роли. В статье анализируются уровневые и структурные различия в аспектах ролевой самооценки в зависимости от социокультурного контекста. В исследовании приняли участие 300 респондентов, в том числе 185 китайских и 115 российских студентов (средний возраст — 20 лет в каждой из выборок). Для достижения этой цели использовалась методика С. Шварца (PVQ-40) и авторский опросник, направленный на выявление аспектов ролевой самооценки. В качестве гипотез были выдвинуты предположения о наличии уровневых и структурных различий в аспектах ролевой самооценки у студентов из культур, отличающихся по изменению «коллективизм — индивидуализм». Важно отметить, что для россиян студенческое сообщество является наиболее субъективно значимой большой социальной группой, в то время как в матрице идентификации китайских студентов оно занимает лишь четвертое место, отдавая приоритет сообществу граждан и политической партии. Анализ ценностных профилей позволяет установить, что китайские студенты более привержены ценностям коллективизма по сравнению с россиянами. Аспекты ролевой самооценки в группах не имеют уровневых различий, однако студенты из Китая демонстрируют более высокие самооценки ролевой типичности, также для них важнее следовать ожиданиям статусных референтных фигур — родителей, учителей, представителей администрации университета. На основе анализа структурных различий показано, что для китайской выборки важным фактором положительной ролевой самооценки является воспринимаемая ролевая типичность, которая, вероятно, определяет большую социальную нормативность, в том числе, и в академическом поведении. Дальнейшие исследования ролевой самооценки студентов могут быть направлены на соотнесение ее структуры с мотивацией академических достижений и особенностями культурной идентичности студентов из разных стран.

Ключевые слова: роль, ролевая самооценка, Я-концепция, ценности, коллективизм — индивидуализм.

Features of the role self-assessment of Russian and Chinese students

Yu. A. Possel^{✉1}, Z. Zhao²

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Independent researcher, Jining City, Shandong Province, China

Authors

Yulia A. Possel,
SPIN: 7889-8669,
Scopus AuthorID: 57204646822,
ResearcherID: K-6988-2018,
ORCID: 0000-0002-7633-3077,
e-mail: yuapossel@herzen.spb.ru

Zheng Zhao,
e-mail: zzailzs@163.com

For citation:

Possel, Yu. A., Zhao, Z.
(2021) Features of the role self-assessment of Russian and Chinese students. *Psychology in Education*, vol. 3, no. 4, pp. 385–400.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-385-400>

Received 16 August 2021;
reviewed 26 August 2021;
accepted 30 August 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. A. Possel, Z. Zhao (2021). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This paper meets the need for cross-cultural research into the role aspects of university student behaviour against the background of increasing academic migration. Students that adhere to different cultural patterns may have a different understanding of various situations arising in the teaching process and a different perception of their social role in such situations. The article analyses the level-related and structural differences in the aspects of role self-assessment depending on the socio-cultural context. The authors use the method of S. Schwartz (PVQ-40) and the authors' questionnaire aimed at identifying the aspects of role self-assessment. The study involved 300 respondents, including 185 Chinese and 115 Russian students. We formulated a hypothesis that students from cultures which differ in terms of the "collectivism-individualism" criterium show level-related and structural differences in the aspects of role self-esteem. The analysis of value profiles allows us to establish that Chinese students are more committed to the values of collectivism compared to Russians. The aspects of role self-assessment in the two groups do not have level-related differences—however, students from China demonstrate higher self-assessments of role typicality, and it is also more important for them to meet the expectations of status reference figures—i. e., parents, teachers, and representatives of the university administration. Based on the analysis of structural differences, it is shown that perceived role typicality is an important factor of positive role self-esteem for the Chinese sample, which probably determines a greater social normativity, including in academic behaviour. Further studies of students' role self-esteem can be aimed at correlating its structure with the motivation for academic achievements and the peculiarities of the cultural identity of students from different countries.

Keywords: role, role self-esteem, self-concept, values, collectivism-individualism.

Введение

Образование — универсальная область социальной жизнедеятельности людей. Благодаря передаче знаний стал возможен интеллектуальный, культурный и технологический прогресс человечества. Роль культуры в психологии образования была обозначена еще Г. Хофстедом (Hofstede 1986). По мнению С. Джоя и Д. Колба (Joy, Kolb 2009), в разных культурах используются различные национальные модели образования, из чего следуют различия в особенностях отношений, критериев оценки и образовательного процесса в целом. При этом очевидно, что особенности культуры могут существенно сказываться не только на содержании передаваемых знаний, организации педагогического процесса, но и на поведении его участников, обусловленном специфическими ролевыми моделями и установками.

Показательным примером в этом отношении является исследование И. А. Щегловой (Shcheglova 2018). На большой выборке, состоящей

из 26 648 бакалавров, обучающихся в университетах США, Великобритании, Китая, Японии и России в 2016–2017 учебном году, она показала, что студенты демонстрируют качественно разные уровни академической вовлеченности, которая зависит от организации образовательного процесса, а также культурных традиций. Китайские студенты оказались наименее заинтересованными, поскольку традиционно от них не требовалось активно участвовать в обсуждениях в классе или обсуждать дополнительные вопросы, связанные с курсом. Российские и американские студенты продемонстрировали самый высокий уровень вовлеченности по сравнению со студентами из других стран.

К числу установок, способных регулировать поведение студентов, можно отнести установки относительно самой учебной деятельности и установки по отношению к другим людям, включенным в процесс — преподавателям, одногруппникам и даже родителям. Ю. А. Поссель

и Ч. Чжао рассматривались ролевые ожидания студентов России и Китая относительно преподавателей (Поссель, Чжао 2018). В рамках данного исследования мы сосредоточим фокус внимания на установках российских и китайских студентов, направленных на самих себя как исполнителей данной роли, а точнее на феномене ролевой самооценки.

Актуальность и новизна данной работы обусловлены рядом факторов. Кросс-культурные исследования ролевых аспектов поведения студентов в педагогическом взаимодействии становятся особенно актуальными с учетом процессов межкультурной интеграции и роста академической мобильности. Не обошел этот процесс такие страны, как Россия и Китай. На сайте Министерства высшего образования и науки Российской Федерации от 20.11.2020 опубликованы данные о том, что по сравнению с 2012 годом количество российских студентов в Китае увеличилось на 36% и составило более 20 тысяч человек. Количество китайских студентов в России увеличилось почти в два раза и выросло до 48 тысяч человек. В прошлом, 2020 году России и Китаю удалось достичь суммарного показателя двусторонних образовательных обменов обучающимися в 100 тысяч человек (Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек 2020).

Исследования самооценки очень популярны в последние несколько десятилетий, большое количество работ посвящено изучению ее разных видов у представителей диаметрально противоположных западных и восточных культур. Однако российские студенты далеко не всегда попадают в фокус сравнительного обсуждения, а сам феномен ролевой самооценки студентов только начинает обсуждаться.

Для решения практических задач в ходе непосредственной работы с иностранными студентами необходимо принимать во внимание наряду с многими другими важными аспектами культурной специфики восприятие, переживание и самооценки студентами себя в данной роли. Знание культурных различий, касающихся того, как воспринимает себя вузовская молодежь из других стран в роли студентов, поможет преподавателям лучше понимать их поведение и правильнее его интерпретировать.

Кроме того, ученые находят свидетельства того, что культуры трансформируются под влиянием глобальных процессов, и то, что было актуальным для их представителей 20–30 лет назад, на данный момент уже изменилось. Представляется важным отслеживать эти изменения.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

Ролевой подход к описанию поведения является для социальной психологии достаточно важным и продуктивным. Личность растет и развивается по мере усвоения различных социальных ролей в результате взаимодействия, так происходит процесс социализации (Леонтьев 1993; Кон 1999).

Разработку ролевых аспектов поведения традиционно связывают с западной социологией и представителями школ символического интеракционизма (Дж. Мид, Р. Линтон, И. Гоффман и др.) и структурализма (Т. Парсонс, Ч. Х. Кули и др.). Ключевыми понятиями в этих теориях выступали понятия «статус» и «роль». Р. Линтон отмечал, что статус человека в той или иной социальной группе или системе определяет его взаимосвязь с ней. Роль же — поведенческая реализация статуса, необходимая для его подтверждения. Таким образом, Р. Линтон определил роль как динамический аспект статуса. При этом Р. Линтон связывал роль с культурными образцами поведения, отмечая, что в нее входят также установки, ценности (Галинская 2013).

Американские ученые Дж. У. Тибо и Г. Х. Келли предложили трехкомпонентную структуру роли. Роль включает в себя: 1) систему ожиданий других людей относительно поведения индивида, имеющего определенный статус; 2) систему ожиданий индивида по поводу его собственного поведения, то есть представления о том, как он сам должен себя вести; 3) явное наблюдаемое поведение.

Ролевые ожидания предполагают, что роль является нормативно одобренным образцом поведения. Нормы же формируются в конкретном социальном, историческом и культурном контексте.

Ю. П. Кошелева (Кошелева 2018) отмечает многозначность понятия роли из-за феноменологической сложности. П. П. Горностай (Горностай 2007), представляя ролевой подход в социальной психологии личности, также подчеркивает многогранность понятия роли. Он приводит различные интерпретации этого понятия: роль как поведенческая модель социальной позиции, норма, функция, символ, ценность, психическое состояние, личностный модус, установка, ресурс и защитный механизм. Описывая структуру ролевого взаимодействия, автор выделяет в ней систему ролевых ожиданий, систему ролевого поведения и ролевую Я-концепцию.

Я-концепция — это представление человека о самом себе; это также сложное образование, которое включает мысли и чувства по отношению к себе в разных аспектах своего существования. Классической для социальной психологии является концепция Р. Бернса, где он определяет Я-концепцию как подвижную иерархическую структуру, состоящую из присущих личности установок на себя (Бернс 1986). По Р. Бернсу, структура Я-концепции включает описательную составляющую (знание о себе), оценочную (самоотношение) и поведенческую, как реакцию, вызываемую первыми двумя компонентами в совокупности.

Выделяются также несколько уровней Я-концепции, варьирующиеся у разных авторов по числу и содержанию, однако большинство исследователей сходится в том, что в зависимости от характера активности субъекта, речь может идти о трех уровнях: физическом, социальном и личностном, которые могут изучаться в совокупности или каждый отдельно.

На социальном уровне в Я-концепции находят отражение различные социально-ролевые идентичности в соответствии с освоенными ролями. С точки зрения ролевого подхода Я-концепция отражает социальные роли человека в виде особых самостоятельных схем, которые содержат специфические признаки каждой из них.

Ролевой набор, входящий в общую Я-концепцию, может быть субъективно ранжирован глобально или ситуативно, таким образом, можно говорить о более или менее важных для человека ролях в принципе или в данный момент времени.

Интересен вопрос о соотношении понятий «Я-концепция», «идентичность» и «роль». А. В. Микляева, П. В. Румянцева считают социальную идентичность частью Я-концепции (Микляева, Румянцева 2008). По мнению А. И. Ковалевой (Ковалева 2018), понятия «социальная идентичность», «роль», «Я-концепция» являются довольно близкими и отчасти пересекающимися концептами. Автором вводится понятие «статусно-ролевая идентичность», которое характеризует результаты процесса социальной идентификации индивида в отношении освоенных им статусов и ролей. «Статусно-ролевую идентичность обеспечивает система представлений о себе, конструируемая индивидом в процессе деятельности и общения, обнаруживающая себя в самооценках, чувстве самоуважения и уровне притязаний человека» (Ковалева 2018, 213).

В статье А. В. Серого с соавторами рассматривается смысловая обусловленность

Я-концепции студенческой молодежи. Я-концепция трактуется ими как «иерархическая система различных идентичностей личности, отражающих значимую связь с определенными объектами психической реальности» (Серый, Яницкий, Браун 2020, 597). Авторы отмечают, что в качестве подобных объектов, с которыми личность может иметь значимую связь, могут выступать как личность, так и социальные группы, ими могут быть идеи и ценности, а также значимая окружающая среда. Каждая из идентичностей структурно разделяется на когнитивный и аффективный компоненты. Когнитивные компоненты отвечают за Я-образы, а аффективные компоненты этих идентичностей являются частными самооценками, что в совокупности приводит к формированию обобщенных Я-образа и самооценки личности.

Можно заключить, что ролевая идентичность соответствует ролевой Я-концепции, являясь для последней фундаментом и составной ее частью.

Самооценка в психологии изучается в рамках трех подходов: одномерного, структурного и функционального. Структурный подход наиболее популярен и предполагает существование частных самооценок, отражающих оценку человеком различных аспектов своей жизни. Очевидно, можно предположить существование и парциальной самооценки, относящейся к роли студента. Для осуществления самооценки нужен определенный стандарт, основание или критерий, на который можно ориентироваться. В качестве таковых могут выступать как другие люди, так и идеалы, долженствования, заданные нормы (Молчанова 2016).

Концепт ролевой самооценки активно разрабатывается С. А. Русиной (Русина 2014; 2020). Автор определяет ролевую самооценку как «оценку человеком своих качеств, возможностей, способностей, особенностей своей деятельности в процессе освоения, принятия и выполнения социальных функций, обусловленных местом, занимаемым в системе общественных отношений (статусом)» (Русина 2014). Автор полагает, что ролевая самооценка формируется тогда, когда человек осваивает какие-либо социальные функции; также ролевая самооценка характеризует социальный контекст, в рамках которого формируется общая самооценка. Ролевую самооценку С. А. Русина называет «новообразованием» личности при конкретной ролевой самореализации. Ею предложена структура ролевой самооценки, состоящая из таких измерений, как: 1) важность данной социальной роли; 2) оценка ее выполнения; 3) удовлетворенность

от ее выполнения (самореализация); 4) оценка выполнения роли с точки зрения значимых других; 5) привлекательность роли для субъекта. Ролевая самооценка является в каком-то смысле индикатором интернализации роли (Русина 2020).

Взяв за основу эти размышления, дополним их небольшим обзором кросс-культурных исследований самооценки.

Исследование самооценки в кросс-культурной психологии связано с дискуссией о том, является ли высокая самооценка универсальным человеческим феноменом или же ограниченными индивидуалистическими, а не коллективистскими культурами (Mruk, Skelly 2017).

В одном из ранних исследований было показано, что китайские дети склонны недооценивать свою компетентность по сравнению с американскими детьми, но за исключением социальной сферы (Stigler, Smith, Mao 1985).

Д. Шмитт и Дж. Аллик (Schmitt, Allik 2005) опубликовали результаты проекта, охватившего 53 страны, в котором изучались универсальные и культурно-специфические особенности глобальной самооценки человека. Авторы сделали ряд важных выводов, в частности о том, что самооценка является универсальной и достоверно измеряемой человеческой характеристикой. При этом компоненты обобщенной самооценки, а именно компетентность и самоуважение, имеют ярко выраженные кросс-культурные различия.

По мнению М. Бранд (Brand 2004), культурное поведение китайцев часто ассоциируется с самоуничижением и скромностью. Существует также конфуцианская поговорка, что «высокомерие ведет к гибели, а смирение приносит пользу». Более того, такие характеристики могут быть сформированы культурой, которая демонстрирует самоограничение, традиционный авторитарный стиль обучения и давление высокой конкуренции, создаваемое семьями, школами и обществом. При этом сравнительно низкая самооценка китайцев вовсе не означает плохую адаптацию в рамках коллективистской культуры.

В более поздних исследованиях изучалось, существуют ли культурные различия в потребности в позитивной самооценке в КНР. Было проведено два метаанализа. Один из них показал, что как у молодых, так и у людей более старшего возраста самооценка была положительно предвзятой, при этом большинство участников сообщало о высоком уровне самооценки (Cai, Wu, Brown 2009). Р. Чжан с соавторами также продемонстрировали повышенную

склонность китайцев к положительной самооценке и объяснили это социокультурными изменениями (Zhang, Noels, Guan, Weng 2017). В исследовании было обнаружено, что китайцы из КНР по сравнению с китайцами, живущими в Канаде, показывают более сильный эффект «выше среднего». Также этот эффект усиливался идентификацией респондентов с современной китайской культурой в противовес традиционной.

На данный момент существует общее согласие ученых с тем, что социально-экономические и культурные факторы могут влиять на самооценку.

Имеет место понимание самооценки как двухфакторной структуры, состоящей из оценки компетентности (успешное решение проблем) и самоуважения (быть хорошим и зрелым человеком). Двухфакторный подход к самооценке рассматривает эти различия как отражение «культурного компромисса» между компетентностью и достоинством (Tafarodi, Swann 1995). В этом случае данная группа или культура может уделять больше внимания одному из двух факторов. Например, на Западе подчеркивают фактор компетентности больше, чем фактор самоуважения для самооценки. Те, кто живет в культурах, которые отдают предпочтение групповым или общинным ценностям, например на Востоке, больше подчеркивают компонент достоинства. Идея состоит в том, что культуры могут «обмениваться», но не устранять один фактор в пользу другого.

Важной характеристикой коллективистской культуры, представители которой имеют «взаимозависимое Я» в противовес «независимому Я» индивидуалистов, является заинтересованность в большем сходстве между собой и другими. Не исключено, что это также может сказываться на самооценке. Индивидуалистические нации развивают чувство уникальности и независимости от других, в то время как коллективистские нации развивают межличностные связи и чувство взаимозависимости с членами группы. В то же время есть свидетельства, что сейчас и эта тенденция подвергается изменениям. Так, Х. Цхай с соавторами пришли к выводу о росте индивидуализма в Китае (Cai, Zou, Feng et al. 2018).

Важными в контексте рассуждений являются результаты всемирного опроса более 5000 молодых людей, начатого в 2008 году и охватившего 19 стран Восточной и Западной Европы, Ближнего Востока, Южной Америки, Африки и Азии: эти результаты свидетельствуют, что молодые люди основывают свою самооценку

на выполнении ценностных приоритетов других людей в их культурной среде. Так, представители индивидуалистических культур будут формировать самооценку из впечатления о том, что они контролируют свою жизнь. Люди, живущие в культурах, которые ценят конформизм, традиции и безопасность (некоторые части Ближнего Востока, Африки и Азии), сравнительно более склонны основывать свою самооценку на чувстве выполнения своего долга (Becker, Vignoles, Owe et al. 2014).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каждый человек старается оправдать ролевые ожидания окружающих, как бы они ни варьировали от культуры к культуре. А собственно самооценка строится на основе понимания степени удовлетворения этих ожиданий.

Организация и методы исследования

Целью данного исследования является сравнительный анализ уровня и структуры ролевой самооценки студентов России и Китая.

Объект исследования — ролевая Я-концепция студентов.

Предмет исследования — уровневые и структурные различия в ролевой самооценке студентов России и Китая.

В качестве гипотез выдвигаются следующие предположения:

- 1) Ценностные приоритеты китайских студентов будут больше тяготеть к полюсу коллективизма в сравнении с россиянами.
- 2) Уровень ролевой самооценки студентов из России будет выше, чем студентов из Китая.
- 3) Ролевая самооценка студентов из России и Китая будет иметь структурные различия, ассоциированные с измерением «коллективизм — индивидуализм».

Эмпирическими задачами исследования являются:

- 1) Определение и сравнение индивидуальных ценностных приоритетов в группах студентов из обеих стран.
- 2) Выявление уровневых различий в аспектах ролевой самооценки в группах российских и китайских студентов.
- 3) Выявление структурных различий в измерениях ролевой самооценки.

Сбор данных проводился в групповой форме в 2019–2020 годах в России и Китае методом анкетного опроса. Выборку составили 185 китайских и 115 российских студентов из российских (РГПУ им. А. И. Герцена, СПбГУ) и китайских университетов (Юлинский педагогический

институт, Университет Линьи). Средний возраст в обеих выборках составил 20 лет. Соотношение по полу в китайской выборке составило 23% мужчин и 77% женщин, в российской — 14% мужчин и 86% женщин.

В рамках анкетного опроса использовались следующие методики:

- 1) Методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности (PVQ-40). Позволяет выявить индивидуальные приоритеты 10 ценностей. Необходимо оценить 40 характеристик поведения человека по сходству с собой. Типы ценностей могут отражать индивидуалистические, коллективистские или смешанные интересы. Ценности *Стимуляция*, *Гедонизм*, *Власть*, *Достижение* и *Самостоятельность* служат индивидуальным интересам. *Традиции*, *Конформность* и *Доброта* служат коллективным интересам. *Безопасность* и *Универсализм* служат смешанным интересам и занимают пограничное положение (Schwartz 2006).
- 2) Комплекс вопросов, направленных на изучение ролевой самооценки и связанных с ней факторов, социально-демографический блок.

Для китайских респондентов вопросы анкеты были подвергнуты двойному переводу билингвами для достижения смысловой эквивалентности.

Для обработки данных использовались непараметрический критерий Манна — Уитни и корреляционный анализ по Спирмену, расчеты выполнены в программе STATISTICA 8.

Результаты и их обсуждение

Для понимания социального контекста предварим анализ данных обсуждением относительной субъективной значимости студенческого сообщества для наших респондентов. Им предлагалось ранжировать наряду с ним такие социальные группы, как «граждане моей страны», «моя этническая группа», «политическая партия», «конфессиональная общность». Приоритетность устанавливалась в соответствии с тем, какая доля респондентов (в %) ставит ту или иную позицию на первые два места по субъективной важности.

Студенты из Китая отдают приоритет группе граждан (74%), далее следует политическая партия (52%), затем этническая группа (49%). Это согласуется с экспертным мнением китайских исследователей, отмечающих, что современная молодежь в КНР находится под сильным

влиянием политического режима внутри страны. В частности, число студентов, желающих вступить в Компартию Китая в период обучения в вузе, составляет 69 % (Ли 2019). Студенчество как значимая группа членства занимает лишь четвертое место (16%), а замыкает рейтинг религиозное сообщество — всего лишь 6% студентов из КНР поставило его на 1 или 2 место в совокупности.

Для россиян, напротив, студенческое сообщество представляет собой наиболее важную группу из включенных в рейтинг (62%). Чуть менее популярной является группа граждан страны (57%), далее следует этническая группа (38%). Членство в религиозных общностях и политических партиях для российских студентов находится на последнем месте (по 20%), что

говорит об относительно низкой вовлеченности молодежи в данные сферы. Эти результаты в целом соотносятся с данными других российских ученых (Серый, Яницкий, Браун 2020).

Остановимся на анализе ценностных приоритетов респондентов (методика Ш. Шварца). Поскольку распределение показателей не соответствовало нормальному, ранжирование осуществлялось по медиане (Me). Наиболее значимые для респондентов ценности — имеющие ранги от 1 до 3, наименее значимые — от 8 до 10. В табл. 1 приведены значения медиан и ранги, полученные при оценке каждой ценности.

Конфигурации ценностных профилей студентов России и Китая при некотором сходстве демонстрируют существенные различия (табл. 1).

Табл. 1. Ранги ценностей в общегрупповых профилях студентов России и Китая (по медиане)

Ценности	КС		РС	
	Me	Ранг	Me	Ранг
Конформность	4,000000	1	2,500000	9
Традиции	2,750000	9	1,750000	10
Доброта	3,500000	4–6	3,500000	2–4
Универсализм	3,666667	2	3,333333	5–6
Самостоятельность	3,500000	4–6	3,500000	2–4
Стимуляция	3,000000	8	3,333333	5–6
Гедонизм	3,333333	7	3,666667	1
Достижения	3,500000	4–6	3,500000	2–4
Власть	2,666667	10	2,666667	8
Безопасность	3,600000	3	2,800000	7

КС — китайские студенты, РС — российские студенты

Table 1. Ranks of values in the general group profiles of students from Russia and China (by median)

Values	CS		RS	
	Me	Rank	Me	Rank
Conformity	4.000000	1	2.500000	9
Tradition	2.750000	9	1.750000	10
Benevolence	3.500000	4–6	3.500000	2–4
Universalism	3.666667	2	3.333333	5–6
Self-Direction	3.500000	4–6	3.500000	2–4
Stimulation	3.000000	8	3.333333	5–6
Hedonism	3.333333	7	3.666667	1
Achievement	3.500000	4–6	3.500000	2–4
Power	2.666667	10	2.666667	8
Safety	3.600000	3	2.800000	7

CS—Chinese students, RS—Russian students

В обеих группах можно отметить тенденции как коллективизма, так и индивидуализма, но в разных пропорциях. Сходство также заключается в отвержении студентами обеих стран ценностей *Власть* и *Традиции*, что, вероятно, может быть связано с юношеским возрастом, обращенностью в будущее, с решением текущих академических задач. У китайских студентов первое место в рейтинге ценностей занимает коллективистская ценность *Конформность*, дополняемая ценностями *Универсализм* и *Безопасность*, имеющими двойственную направленность. Это позволяет ассоциировать ценностные приоритеты китайской выборки

с акцентом на коллективизм, что, однако, не исключает индивидуалистических тенденций — об этом свидетельствует нахождение ценностей *Самостоятельность*, *Достижения* в среднем диапазоне приемлемости. Российские студенты, напротив, демонстрируют приверженность индивидуалистическому «набору» (*Гедонизм*, *Достижения*, *Самостоятельность*), сочетая его с коллективистской ценностью *Доброта*, что свидетельствует о большем сдвиге к индивидуализму по сравнению с респондентами из КНР.

Уровневые различия ценностных профилей китайских и российских студентов (критерий Манна — Уитни) представлены в таблице 2.

Табл. 2. Различия ценностей в группах студентов России и Китая

Ценности	Rank Sum (Китай n = 185)	Rank Sum (Россия n = 115)	U	Z	p-level	Z	p-level
Конформность***	35519,50	9630,50	2960,50	10,509	0,00000	10,54459	0,0000
Традиции***	33897,50	11252,50	4582,50	8,28871	0,00000	8,32227	0,0000
Доброта	28162,50	16987,50	10317,50	0,43805	0,6613	0,44073	0,6594
Универсализм***	30519,00	14631,00	7961,00	3,66387	0,0002	3,67348	0,0002
Самостоятельность	27549,00	17601,00	10344,00	-0,401	0,6878	-0,40441	0,6859
Стимуляция	26830,00	18320,00	9625,00	-1,386	0,1657	-1,39581	0,1627
Гедонизм**	25917,00	19233,00	8712,00	-2,635	0,0083	-2,65269	0,0079
Достижения	27691,50	17458,50	10486,50	-0,206	0,8362	-0,20768	0,8354
Власть	27610,50	17539,50	10405,50	-0,317	0,7508	-0,31916	0,7496
Безопасность***	33513,00	11637,00	4967,00	7,7623	0,0000	7,78200	0,0000

$p \leq 0,05^*$, $p \leq 0,01^{**}$, $p \leq 0,001^{***}$

Table 2. Level differences in values in groups of students in Russia and China

Values	Rank Sum (China n = 185)	Rank Sum (Russia n = 115)	U	Z	p-level	Z	p-level
Conformity***	35519.50	9630.50	2960.50	10.509	0.00000	10.54459	0.0000
Tradition***	33897.50	11252.50	4582.50	8.28871	0.00000	8.32227	0.0000
Benevolence	28162.50	16987.50	10317.50	0.43805	0.6613	0.44073	0.6594

Table 2. Completion

Universalism	30519.00	14631.00	7961.00	3.66387	0.0002	3.67348	0.0002
Self-Direction	27549.00	17601.00	10344.00	-0.401	0.6878	-0.40441	0.6859
Stimulation	26830.00	18320.00	9625.00	-1.386	0.1657	-1.39581	0.1627
Hedonism**	25917.00	19233.00	8712.00	-2.635	0.0083	-2.65269	0.0079
Achievement	27691.50	17458.50	10486.50	-0.206	0.8362	-0.20768	0.8354
Power	27610.50	17539.50	10405.50	-0.317	0.7508	-0.31916	0.7496
Safety***	33513.00	11637.00	4967.00	7.76236	0.0000	7.78200	0.0000

$p \leq 0.05^*$, $p \leq 0.01^{**}$, $p \leq 0.001^{***}$

Данные групповых различий в ценностных профилях подтверждают уже высказанные ранее соображения. Китайские студенты значимо превосходят российских в приверженности коллективистским ценностям (*Конформность, Традиции, Безопасность*). Несмотря на то что ценность *Традиции* занимала последние места в рейтинге обеих групп, для китайских студентов она все же более важна. Россияне, в свою очередь, превосходят китайских студентов в приверженности ценности *Гедонизм*.

В соответствии со структурой, предлагаемой С. А. Русиной, была измерена прямая и рефлексивные ролевые самооценки.

Рефлексивные самооценки отражали то, как, с точки зрения студента, могли бы его оценить в этой роли преподаватели и одногруппники. В качестве других аспектов использовались оценки ролевой самореализации и привлекательности роли для человека. Дополнительно оценивалась важность соответствия ожиданиям преподавателей, родителей, администрации и степень собственной ролевой типичности как дополнительного маркера коллективизма — индивидуализма. Все оценки давались по 10-балльной шкале. В таблице 3 представлены различия по этим показателям.

Табл. 3. Различия в аспектах ролевой самооценки между группами студентов (критерий Манна — Уитни)

Оценки	Rank Sum (КС, n = 185)	Rank Sum (ПС, n = 115)	U	Z	p-level	Z	p-level
Привлекательность роли студента	27934,0	17216,0	10546, 2	0,1252	0,900322	0,1340	0,8933
Самооценка в роли студента	27307,0	17843,0	10102,0	-0,733	0,46353	-0,745	0,4559
Самореализация в роли студента	26824,5	18325,5	9619,50	-1,393	0,16345	-1,416	0,1566
Рефлексивная самооценка (преподаватели)	27412,0	17738,0	10207,0	-0,589	0,55565	-0,599	0,5485
Рефлексивная самооценка (одногруппники)	27270,5	17879,5	10065,5	-0,783	0,43362	-0,797	0,4250
Соответствие ожиданиям преподавателей**	30080,5	15069,5	8399,50	3,063	0,0021	3,107	0,0018

Табл. 3. Продолжение

Соответствие ожиданиям родителей***	31640,0	13510,0	6840,00	5,198	0,00000	5,3231	0,0000
Соответствие ожиданиям администрации***	30533,5	14616,5	7946,50	3,683	0,00023	3,7122	0,0002
Типичность в исполнении роли**	29705,0	15445,0	8775,0	2,5495	0,01078	2,5858	0,0097

$p \leq 0,05^*$, $p \leq 0,01^{**}$, $p \leq 0,001^{***}$

Table 3. Level differences in aspects of role self-assessment between groups of students (Mann — Whitney criterion)

Evaluations	Rank Sum (China n = 185)	Rank Sum (Russia n=115)	U	Z	p-level	Z	p-level
The attractiveness of the student's role	27934.0	17216.0	10546.2	0.1252	0.900322	0.1340	0.8933
Role self-esteem as a student	27307.0	17843.0	10102.0	-0.733	0.46353	-0.745	0.4559
Self-realization as a student	26824.5	18325.5	9619.50	-1.393	0.16345	-1.416	0.1566
Reflexive self-assessment (teachers)	27412.0	17738.0	10207.0	-0.589	0.55565	-0.599	0.5485
Reflexive self-assessment (other students)	27270.5	17879.5	10065.5	-0.783	0.43362	-0.797	0.4250
The importance of meeting the expectations of teachers**	30080.5	15069.5	8399.50	3.063	0.0021	3.107	0.0018
The importance of meeting the expectations of parents***	31640.0	13510.0	6840.00	5.198	0.00000	5.3231	0.0000
The importance of meeting the expectations of the administration***	30533.5	14616.5	7946.50	3.683	0.00023	3.7122	0.0002
Self-assessment of role typicality**	29705.0	15445.0	8775.0	2.5495	0.01078	2.5858	0.0097

$p \leq 0.05^*$, $p \leq 0.01^{**}$, $p \leq 0.001^{***}$

Значимых различий между группами в прямой и рефлексивных ролевых самооценках, а также в степени самореализации и привлекательности роли не обнаружено. Тем не менее нужно отметить, что прямая ролевая самооценка для обеих групп довольно высока ($Me = 7$). Эти результаты подтверждают данные, приве-

денные выше в теоретическом обзоре. Не исключено, что китайцы и россияне опираются в самооценке на различные критерии, причем чаще те, которые культурно обусловлены и одобряемы в обществе. Например, в работе М. Н. Кичеровой с соавторами (Кичерова, Черноморченко, Чжу 2018) показано, что

61% китайских студентов тратят на самообразование более трех часов в день, а среди россиян подобной старательностью отличаются лишь 13% студентов. Вероятно, это связано с особенностями традиционных конфуцианских установок: ориентацией на упорство и достижение цели, высокую работоспособность. Другими словами, китайские студенты могут прилагать больше усилий и в самооценке ориентироваться именно на этот вклад; для россиян, возможно, более привлекательным основанием самооценки могут выступать способности. Это согласуется с мнением Д. Мацумото о том, что «самооценка, вероятно, представляет собой комплексный показатель, развитие отдельных аспектов которого может поощряться, либо напротив, встречать сопротивление в условиях той или иной культурной среды» (Мацумото 2002, 321).

Важным отличием результатов студентов из Китая оказалось то, что они оценивают свою ролевую «типичность» значимо выше, чем российские. Ощущение своей «вписанности» в группу, очевидно, является неким культурным маркером и, безусловно, свидетельствует о большей ориентации на коллективизм респондентов из Китая. Это согласуется с интерпретациями И. Чой и О. Чха (Choi, Cha 2019), что жители Восточной Азии могут иметь сильную мотивацию видеть себя нормальным и обычным,

они также больше заинтересованы в сходстве между собой и придерживаются убеждения, что быть обычным — безопасно и полезно.

Обращает на себя внимание то, что китайские студенты по сравнению с россиянами сильнее чувствуют себя обязанными оправдать ожидания значимых высокостатусных Других, и в первую очередь — родительские (Me = 9 и Me = 7 соответственно). Для китайцев является традиционным исполнение желаний родителей. В современном Китае сыновняя почтительность трансформировалась в формы, но в основе своей сохраняется, и, как показал Я. Дун (2019), родители студентов из Китая существенно чаще участвуют в личных делах своих детей, чем российские.

Рассмотрим структурные различия аспектов ролевой самооценки, представленные в таблице 4 (пустые ячейки означают, что различий между группами в коэффициентах нет, прочерк — отсутствие значимых коэффициентов).

Но прежде остановимся на структурном сходстве между группами, не представленном в таблице 4. Оно определяется положительными значимыми взаимосвязями прямой ролевой самооценки с оценкой ролевой самореализации ($r_s = 0,72$ (КК) $r_s = 0,76$ (РС); $p < 0,001$), с привлекательностью роли ($r_s = 0,19$ (КК) $r_s = 0,25$ (РС); $p \leq 0,001$), с рефлексивными самооценками со стороны преподавателей и одноклассников

Табл. 4. Различия в структуре ролевой самооценки студентов

	Самооценка в роли студента		Типичность в исполнении роли		Привлекательность роли	
	КК	РС	КК	РС	КК	РС
Важность соответствия ожиданиям родителей	0,16*	—				
Важность соответствия ожиданиям преподавателей					0,20**	—
Важность соответствия ожиданиям администрации	—	0,23**				
Рефлексивная самооценка (преподаватели)			0,38***	—	—	0,42***
Рефлексивная самооценка (одноклассники)			0,45***	—		
Типичность в исполнении роли	0,42***	—				
Самореализация в роли студента					—	0,41***

$p \leq 0,05$ *, $p \leq 0,01$ ** , $p \leq 0,001$ ***

Table 4. Differences in the structure of the role self-assessment of students in Russia and China

	Role self-esteem		Self-assessment of role typicality		The attractiveness of the student's role	
	CS	RS	CS	RS	CS	RS
The importance of meeting the expectations of parents	0.16*	–				
The importance of meeting the expectations of teachers					0.20**	–
The importance of meeting the expectations of the administration	–	0.23**				
Reflexive self-assessment (teachers)			0.38***		–	0.42***
Reflexive self-assessment (other students)			0.45***			
Self-assessment of role typicality	0.42***	–				
Self-realization as a student						0.41***

$p \leq 0.05^*$, $p \leq 0.01^{**}$, $p \leq 0.001^{***}$

(в целом, r_s выше 0,6 при $p \leq 0,001$ в обеих группах). Восприятие ролевой типичности в обеих группах значимо положительно связано с важностью соответствия ожиданиям авторитетных фигур — родителей, преподавателей, администрации.

Структурные различия достаточно очевидны. Группа китайских студентов отличается тем, что прямая ролевая самооценка взаимосвязана с восприятием степени своей «типичности» как исполнителя роли ($r_s = 0,42$ при $p \leq 0,01$). Также высокая ролевая самооценка у китайцев связана с важностью соответствия ожиданиям родителей ($r_s = 0,16$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, опрошенные студенты из КНР дают высокую оценку себе как студенту, если ощущают свое сходство с другими, что дает им чувство удовлетворенности и стимулирует к реализации своего потенциала.

Противоположную картину демонстрируют россияне. В этой группе взаимосвязь ролевой самооценки с воспринимаемым уровнем своей типичности не зафиксирована. При этом в данной группе оценка ролевой самореализации

положительно связана с привлекательностью роли студента ($r_s = 0,41$ при $p \leq 0,01$), у студентов из Китая подобной связи не найдено. Россияне в отличие от студентов из Китая чаще склонны самореализовываться в роли студента, если они относятся к этой роли позитивно. Вероятно, российские студенты склонны следовать своим личным установкам, а не общественным предписаниям.

Выводы

Респонденты из обеих стран демонстрируют «смешанные» ценностные профили с точки зрения культурного измерения «коллективизм — индивидуализм». Однако выявленные сходства и различия позволяют в целом отнести китайских респондентов к полюсу коллективизма в большей степени, нежели россиян. Китайские студенты в первую очередь привержены ценности *Конформность*, обеспечивающей групповую гармонию и согласие; россияне же ставят в приоритет ценности *Гедонизм*, *Достижения* и *Само-*

стоятельность, отражающие индивидуалистической полюс.

Аспекты ролевой самооценки студентов двух стран не различаются по уровню, который достаточно высок в обеих группах. Различия существуют в степени ориентации на социально значимые фигуры и восприятие себя в социальном контексте. Так, для китайцев существенно важнее соответствовать ожиданиям родителей, преподавателей и администрации по сравнению с россиянами. При этом опрошенные студенты из Китая значимо выше оценивают свою ролевую типичность.

Сходство в структурах ролевой самооценки студентов из обеих стран заключается в наличии плотных положительных взаимосвязей между ролевой и рефлексивными самооценками, оценкой своей самореализации в роли и ее субъективной привлекательностью. Выявленные структурные различия позволяют установить, что для китайской выборки важным фактором позитивной ролевой самооценки выступает воспринимаемая ролевая типичность: сходство с другими является существенным основанием для высокой самооценки, которая в сочетании с важностью следовать ожиданиям родителей и преподавателей обуславливает большую социальную нормативность студентов из КНР. Для россиян взаимосвязи воспринимаемого сходства с другими и ролевой самооценки не найдено, она в этом смысле более свободна. Кроме того, российские студенты имеют тенденцию раскрывать свой потенциал в учебной деятельности лишь при условии удовлетворенности студенческой ролью, студенты из КНР реализуют свой потенциал вне зависимости от субъективного отношения к ней. Дальнейшие перспективы кросс-культурных исследований ролевой самооценки студентов могут быть сосредоточены на соотношении данных о ролевой самооценке

с мотивацией достижений и особенностями культурной идентичности студентов разных стран.

Принятые в статье сокращения и условные обозначения:

КС — китайские студенты, РС — российские студенты.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors report that the study followed the ethical principles stipulated in for research involving humans and animals.

Вклад авторов

Вклад авторов в подготовку статьи является равноценным.

Author Contributions

The contributions of the authors to the preparation of the article are equal.

Литература

- Бернс, Р. (1986) *Развитие Я-концепции и воспитание*. М.: Прогресс, 422 с.
- Галинская, И. А. (2013) Р. Линтон. Культурные основания личности. *Культурология*, № 4 (67), с. 51–53.
- Горностаев, П. П. (2007) *Личность и роль. Ролевой подход в социальной психологии личности*. Киев: Интерпресс ЛТД, 312 с.
- Дун, Я. (2019) Отношение к различным жизненным сферам у китайских студентов. *Письма в Эмиссия. Оффлайн*, № 11, статья 2788. [Электронный ресурс]. URL: <http://emissia.org/offline/2019/2788.htm> (дата обращения 12.08.2021).
- Кичерова, М. Н., Черноморченко, С. И., Чжу, Ю. (2018) Особенности самообразования российских и китайских студентов. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, № 4, с. 299–310.
- Ковалева, А. И. (2018) Статусно-ролевая идентичность. *Знание. Понимание. Умение*, № 2, с. 211–214. <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.2.20>
- Кон, И. С. (1999) *Социологическая психология: избранные психологические труды*. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 560 с.

- Кошелева, Ю. П. (2018) Теоретические подходы к ролевому поведению и межролевой конфликт. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*, № 1 (790), с. 132–152.
- Леонтьев, Д. А. (1993) *Очерк психологии личности*. М.: Смысл, 43 с.
- Ли, С. (2019) Политическая культура современной китайской молодежи. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, № 1, с. 95–106.
- Мацумото, Д. (2002) *Психология и культура: современные исследования*. 3-е изд. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Нева, 416 с.
- Микляева, А. В., Румянцева, П. В. (2008) *Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 118 с.
- Молчанова, О. Н. (2016) *Самооценка: Теоретические проблемы и эмпирические исследования*. М.: Флинта, 392 с.
- Поссель, Ю. А., Чжао, Ч. (2018) Ролевые ожидания и установки в педагогическом взаимодействии студентов и преподавателей России и Китая. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, № 1–2, с. 117–123.
- Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек. (2020) *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (дата обращения 13.04.2021).
- Русина, С. А. (2014) Феномен ролевой самооценки в психологии. *Мир науки, культуры и образования*, № 3 (46), с. 180–182.
- Русина, С. А. (2020) Психологическое благополучие и ролевая самооценка студентов в период обучения в педагогическом университете. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, № 2 (43), с. 67–72. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2020-2-67-72>
- Серый, А. В., Яницкий, М. С., Браун, О. А. (2020) Смысловая обусловленность структуры Я-концепции студенческой молодежи. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, № 3, с. 597–607. <https://doi.org/10.33910/herzenpsycconf-2020-3-15>
- Becker, M., Vignoles, V. L., Owe, E. et al. (2014) Cultural bases for self-evaluation: Seeing oneself positively in different cultural contexts. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 40, no. 5, pp. 657–675. <https://doi.org/10.1177/0146167214522836>
- Brand, M. (2004) Collectivistic versus individualistic cultures: A comparison of American, Australian and Chinese music education students' self-esteem. *Music Education Research*, vol. 6, no. 1, pp. 57–66. <https://doi.org/10.1080/1461380032000182830>
- Cai, H., Wu, Q., Brown, J. D. (2009) Is self-esteem a universal need? Evidence from The People's Republic of China. *Asian Journal of Social Psychology*, vol. 12, no. 2, pp. 104–120. <https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2009.01278.x>
- Cai, H., Zou, X., Feng, Y. et al. (2018) Increasing need for uniqueness in contemporary China: Empirical evidence. *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 554. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00554>
- Choi, I., Cha, O. (2019) Cross-cultural examination of the false consensus effect. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 2747. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02747>
- Hofstede, G. (1986) Cultural differences in teaching and learning. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 10, no. 3, pp. 301–320. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(86\)90015-5](https://doi.org/10.1016/0147-1767(86)90015-5)
- Joy, S., Kolb, D. A. (2009) Are there cultural differences in learning style? *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 33, no. 1, pp. 69–85. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.11.002>
- Mruk, C. J., Skelly, T. (2017) Is self-esteem absolute, relative, or functional? Implications for cross-cultural and humanistic psychology. *The Humanistic Psychologist*, vol. 45, no. 4, pp. 313–332. <https://doi.org/10.1037/hum0000075>
- Shcheglova, I. A. (2018) A cross-cultural comparison of the academic engagement of students. *Russian Education & Society*, vol. 60, no. 8-9, pp. 665–681. <https://doi.org/10.1080/10609393.2018.1598163>
- Schmitt, D., Allik, J. (2005) Simultaneous administration of the Rosenberg Self-Esteem Scale in 53 nations: Exploring the universal and culture-specific features of global self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 89, no. 4, pp. 623–642. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.623>
- Schwartz, S. (2006) Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications. *Revue Française de Sociologie*, vol. 47, no. 4, pp. 929–968. <https://doi.org/10.3917/rfs.474.0929>
- Stigler, J. W., Smith, Sh., Mao, L. (1985) The self-perception of competence by Chinese children. *Child Development*, vol. 56, no. 5, pp. 1259–1270. <https://doi.org/10.2307/1130241>
- Tafarodi, R. W., Swann, W. B. Jr. (1995) Self-liking and self-competence as dimensions of global self-esteem: Initial validation of a measure. *Journal of Personality Assessment*, vol. 65, no. 2, pp. 322–342. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6502_8
- Zhang, R., Noels, K. A., Guan, Y., Weng, L. (2017) Making sense of positive self-evaluations in China: The role of sociocultural change. *European Journal of Social Psychology*, vol. 47, no. 1, pp. 36–52. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2214>

References

- Becker, M., Vignoles, V. L., Owe, E. et al. (2014) Cultural bases for self-evaluation: Seeing oneself positively in different cultural contexts. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 40, no. 5, pp. 657–675. <https://doi.org/10.1177/0146167214522836> (In English)
- Burns, R. B. (1986) *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie [Self-concept development and education]*. Moscow: Progress Publ., 422 p. (In Russian)
- Brand, M. (2004) Collectivistic versus individualistic cultures: A comparison of American, Australian and Chinese music education students' self-esteem. *Music Education Research*, vol. 6, no. 1, pp. 57–66. <https://doi.org/10.1080/1461380032000182830> (In English)
- Cai, H., Wu, Q., Brown, J. D. (2009) Is self-esteem a universal need? Evidence from The People's Republic of China. *Asian Journal of Social Psychology*, vol. 12, no. 2, pp. 104–120. <https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2009.01278.x> (In English)
- Cai, H., Zou, X., Feng, Y. et al. (2018) Increasing need for uniqueness in contemporary China: Empirical evidence. *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 554. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00554> (In English)
- Choi, I., Cha, O. (2019) Cross-cultural examination of the false consensus effect. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 2747. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02747> (In English)
- Dun, Ya. (2019) Otnoshenie k razlichnym zhiznennym sferam u kitajskikh studentov [Attitude to different life spheres in Chinese students]. *Pis'ma v Emissiya. Offlajn — The Emissia. Offline Letters*, no. 11, article 2788. [Online]. Available at: <http://emissia.org/offline/2019/2788.htm> (accessed 12.08.2021). (In Russian)
- Galinskaya, I. L. (2013) R. Linton. Kul'turnye osnovaniya lichnosti [R. Linton. Cultural foundations of personality]. *Kul'turologiya*, no. 4 (67), pp. 51–53. (In Russian)
- Gornostaj, P. P. (2007) *Lichnost' i rol'. Rolevoj podkhod v sotsial'noj psikhologii lichnosti [Personality and role. Role approach in social psychology of personality]*. Kiev: Interpress LTD Publ., 312 p. (In Russian)
- Hofstede, G. (1986) Cultural differences in teaching and learning. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 10, no. 3, pp. 301–320. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(86\)90015-5](https://doi.org/10.1016/0147-1767(86)90015-5) (In English)
- Joy, S., Kolb, D. A. (2009) Are there cultural differences in learning style? *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 33, no. 1, pp. 69–85. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2008.11.002> (In English)
- Kicherova, M. N., Chernomorchenko, S. I., Chzhu, Yu. (2018) Osobennosti samoobrazovaniya rossijskikh i kitajskikh studentov [Features of self-education of Russian and Chinese students]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 4, pp. 299–310. (In Russian)
- Kon, I. S. (1999) *Sotsiologicheskaya psikhologiya: izbrannye psikhologicheskie trudy [Sociological psychology: Selected psychological works]*. Moscow: MPSU Publ.; Voronezh: MODEK Publ., 560 p. (In Russian)
- Kosheleva, Yu. P. (2018) Teoreticheskie podkhody k rolevomu povedeniyu i mezhrolevoj konflikt [Theoretical approach to role behaviour and interrole conflict]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki — Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, no. 1 (790), pp. 132–152. (In Russian)
- Kovaleva, A. I. (2018) Statusno-rolevaya identichnost' [Status and role identity]. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 211–214. <https://doi.org/10.17805/zpu.2018.2.20> (In Russian)
- Leont'ev, D. A. (1993) *Ocherk psikhologii lichnosti [Essay on personality psychology]*. Moscow: Smysl Publ., 43 p. (In Russian)
- Li, X. (2019) Politicheskaya kul'tura sovremennoj kitajskoj molodezhi [The political culture of modern Chinese youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki — Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 1, pp. 95–106. (In Russian)
- Matsumoto, D. (2002) *Psikhologiya i kul'tura: sovremennye issledovaniya [Psychology and culture: Contemporary research]*. 3rd ed. Saint Petersburg: Prajm-Evroznak Publ.; Moscow: Neva Publ., 416 p. (In Russian)
- Miklyaeva, A. V., Rumyantseva, P. V. (2008) *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya [Social identity of a person: Content, structure, mechanisms of formation]*. Saint Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia, 118 p. (In Russian)
- Molchanova, O. N. (2016) *Samootsenka: Teoreticheskie problemy i empiricheskie issledovaniya [Self-assessment: Theoretical problems and empirical research]*. Moscow: Flinta Publ., 392 p. (In Russian)
- Mruk, C. J., Skelly, T. (2017) Is self-esteem absolute, relative, or functional? Implications for cross-cultural and humanistic psychology. *The Humanistic Psychologist*, vol. 45, no. 4, pp. 313–332. <https://doi.org/10.1037/hum0000075> (In English)
- Possel, Yu. A., Zhao, Zh. (2018) Rolevye ozhidaniya i ustanovki v pedagogicheskom vzaimodejstvii studentov i prepodavatelej Rossii i Kitaya [Role expectations and attitudes in pedagogical interaction of students and teachers of Russia and China]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii — The Herzen University Conference on Psychology in Education*, no. 1–2, pp. 117–123. (In Russian)
- Rossiya i Kitaj dostigli urovnya akademicheskoy mobil'nosti v 100 tysyach chelovek [Russia and China have reached the level of academic mobility of 100 thousand people]. (2020) *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya*

- Rossijskoj Federatsii [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. [Online]. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (accessed 13.04.2021). (In Russian)
- Rusina, S. A. (2014) Fenomen rolevoj samoocenki v psikhologii [A phenomenon of a role-based self-estimation in psychology]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya — The World of Science, Culture and Education*, no. 3 (46), pp. 180–182. (In Russian)
- Rusina, S. A. (2020) Psikhologicheskoe blagopoluchie i rolevaya samoocenka studentov v period obucheniya v pedagogicheskom universitete [Mental well-being and role-based self-esteem of students during the period of study in the pedagogical university]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Vestnik of Altai state pedagogical university*, no. 2 (43), pp. 67–72. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2020-2-67-72> (In Russian)
- Schmitt, D., Allik, J. (2005) Simultaneous administration of the Rosenberg Self-Esteem Scale in 53 nations: Exploring the universal and culture-specific features of global self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 89, no. 4, pp. 623–642. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.623> (In English)
- Schwartz, S. (2006) Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications. *Revue Française de Sociologie*, vol. 47, no. 4, pp. 929–968. <https://doi.org/10.3917/rfs.474.0929> (In French)
- Seryj, A. V., Yanitskij, M. S., Braun, O. A. (2020) Smyslovaya obuslovlennost' struktury Ya-kontseptsii studencheskoj molodezhi [The semantic conditionality of the structure of the self-concept of student youth]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii — The Herzen University Conference on Psychology in Education*, no. 3, pp. 597–607. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-15> (In Russian)
- Shcheglova, I. A. (2018) A cross-cultural comparison of the academic engagement of students. *Russian Education & Society*, vol. 60, no. 8-9, pp. 665–681. <https://doi.org/10.1080/10609393.2018.1598163> (In English)
- Stigler, J. W., Smith, Sh., Mao, L. (1985) The self-perception of competence by Chinese children. *Child Development*, vol. 56, no. 5, pp. 1259–1270. <https://doi.org/10.2307/1130241> (In English)
- Tafarodi, R. W., Swann, W. B. Jr. (1995) Self-liking and self-competence as dimensions of global self-esteem: Initial validation of a measure. *Journal of Personality Assessment*, vol. 65, no. 2, pp. 322–342. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6502_8 (In English)
- Zhang, R., Noels, K. A., Guan, Y. Weng, L. (2017) Making sense of positive self-evaluations in China: The role of sociocultural change. *European Journal of Social Psychology*, vol. 47, no. 1, pp. 36–52. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2214> (In English)